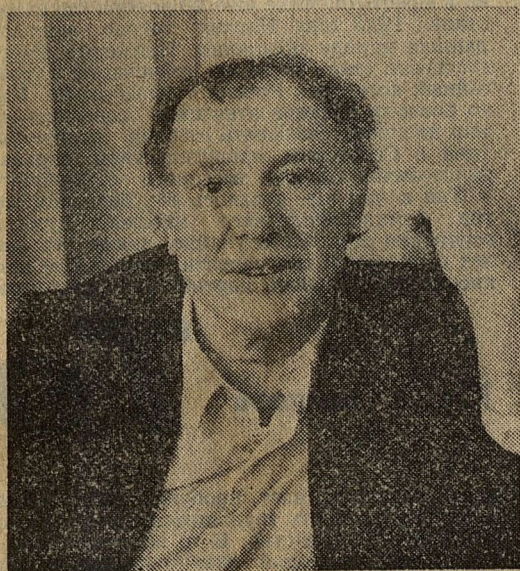

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

10 ноября 1987 г. ◆ 4

Иннокентий Смоктунувский:

Мои надежды

Беседа не была обычной: система заранее заготовленных вопросов порушилась сама собой. Это был тот случай, когда разговор завязался произвольно и вопросы рождались естественно, не было в них дежурной обязательности. Актер, так много дающий зрителю, оказался не менее щедрым и в обычной беседе.

— Боюсь за людей, «которых приручил». Боюсь за тех, кто близок, за кого отвечаю. Пусть им будет хорошо в жизни, — сказал И. Смоктунувский на прощание. А начался разговор с моего вопроса о том, какие силы влияют на актерскую судьбу.

— Многие зависят от общественного мнения. Если бы оно формировалось объективно! Но оно подчинено непонятной силе. Иногда звания и почести получают совсем не те, кому бы их получать. Я считаю, что только время определит степень полезности художника. Большое, как сказал поэт, видится на расстоянии.

— Легко музыканту утвердиться в общественном мнении будущих поколений, он живет в своих сочинениях. Писатель остается в книгах. Живописец — в холстах. В театре — не то. Даже если телевидение позаботится вовремя и ваш Иудушка Головлев останется на пленке, у наших потомков он вызовет, возможно, совсем не те чувства и мысли, которые волнуют нас. Они не поймут, о чем думали мы, живущие на склоне XX века, глядя на вас. О чем думала, например, я.

— А о чем вы думали?

— О фашизме. Это, должно быть, странно...

— Почему же? Фашизм многолик. Рабство древнего мира — это тоже своего рода фашизм. И средневековая инквизиция. Подземелье Эскориала, Нерон, Сулла — это все корни фашизма. Я ненавижу любое проявление бездушия, хамства. Унижение человеческого достоинства меня убивает. С равнодушной тупости немецких бюргеров началась мировая трагедия.

— Вот вы заговорили о древнем мире. В фильме «Русь изначальная» вы сыграли императора Юстиниана. Я часто думаю, как высоко стоял человек в своем духовном развитии на заре цивилизации.

— Я тоже об этом думаю. Когда человечество избавится от страха перед угрозой войны, наступит новый Ренессанс. Уверен в этом. Мы ведь сейчас стоим еще на очень низкой ступеньке духовного развития. Люди бессмысленно убивают друг друга. От голода умирают — подумайте только, в наше-то время! — дети. Если я человек, разве я могу взирать на это спокойно?

— Без чего человеку нельзя жить?

— Без Родины.

— Но ведь есть люди...

— А вы спрашивали, каково им, утратившим Родину? Я не говорю сейчас о причинах. Мы — Антеи. Мы сильны только связью со своей землей. Художник особенно обостренно чувствует эту связь. Вы слушали концерты Владимира Горовица, недавно гастролировавшего у нас? Замечательный музыкант. В его музыке живет Россия. Я это кожей почувствовал. Пусть он всю сознательную жизнь провел вне Родины, но питала его наша земля. Чайковский, Стравинский, Ландау... Что питало их творчество? Родина.

В моей жизни всякое бывало. Война, плен, побег. Добрые люди помогли спастись. Как бы тяжело ни бывало, никогда, ни на один миг я не прерывал связи со своей землей. Обо всем этом я писал в своей книге «Время добрых надежд», изданной в издательстве «Искусство» еще в 1979 году. Кстати, сейчас готовлю пере-

издание. Процентом сорок нового материала добавить придется.

— В последнее время появляется много произведений, в которых авторы обращаются, ну, скажем так, к истокам веры. Как вы думаете, чем объясняется повышенный интерес к ней?

— Давайте отбросим все «божественное». Человек действительно многое растерял в ложных поисках истины. Сегодня человеку, как никогда, нужна надежда. Она безмерна. Когда на войне совершались подвиги, никто из героев не думал о гибели. Их вела надежда.

— Все нуждается в деятельном утверждении.

— А как же? Без этого и жить не стоит. Разве я создал бы что-нибудь на сцене и на экране, если бы не верил в добрые начала в человеке, в его мудрость, нравственность? Даже когда я играю выродка Иудушку Головлева, который губит все живое вокруг, я верю, что моя игра поможет человеку, как сказал Шекспир, повернуть глаза зрачками в душу, глубже понять себя. В этом моя надежда. Она в том, чтобы быть на острие времени. А время сейчас наступило замечательное. Мы заговорили открыто. Мы еще робки, мы только учимся говорить то, что думаем. Но начало положено. Мне нравится само это слово — гласность.

— А вам не кажется, что мы порой перегибаем в отношении критики? Некоторые и программу «Время» смотрят прежде всего, чтобы услышать, что где-то кого-то сняли. Раньше об этом молчали.

— Конечно, говорить об успехах куда как приятнее. О недостатках можно вскользь, как о ЧП. Бригада от премии отказалась — подумайте только! Честный человек заявил, что пускать досрочно комбинат преступно, — отодвинуть его подальше. Так мы жили. А страну лихорадило. Кто-то должен был прийти и сказать: хватит! Давайте работать по-новому. Сейчас заговорили о перестройке, инициативе, человеческом факторе. И люди приобрели надежду.

— Это касается нашей жизни...

— И искусства тоже. Если художнику безразлично, что происходит в стране, то, извините, грош цена его умению «красиво умирать» на сцене. Я ему не поверю. Как личность он мне не интересен.

— Быть личностью. Как вы это понимаете?

— Быть человеком со своей позицией, со своей болью. В этом смысле для меня идеал — наш главный режиссер, Ефремов — личность неповторимая.

— Вы совсем не похожи на своих героев. Мне всегда казалось, что партнерам очень трудно с вами.

— Не думаю. Я люблю своих партнеров и, надеюсь, они меня тоже. Человек живет полноценно только в коллективе. Но опять-таки, увлекаясь коллективом, не надо забывать, что последний состоит из индивидуальностей. Мы частенько этим грешим.

— В одной статье прочла, что по-настоящему на своем месте вы были только в ленинградском БДТ. Согласны с этим?

— Не согласен! Я очень благодарен Георгию Александровичу Товстоногову, доверившему мне роль князя Мышкина в «Идиоте». Тогда ведь никто не знал, что из этого получится. БДТ мне дорог как театральная молодость. Но сегодня у меня есть МХАТ.

— Что вам мешает в творчестве?

— Быт. Он все усложняет. В жизни много вещей, которые уведат нас от творчества. Вы спросите, что же делать? Я скажу так: чтобы сохранить себя для главного дела, которому должен служить, надо быть очень терпеливым.

— Вы умеете себя организовать? Все-таки как вы успеваете играть спектакли, сниматься одновременно в нескольких фильмах, писать книгу...

— ...Давать интервью. Вообще-то интервью я почти не даю, особенно после того, как журнал «Огонек» очень вольно обошелся с моими высказываниями. Так что считайте, вам повезло. Но если честно — не успеваю. Вот уйду на пенсию.

— Да что вы?!

— А вы сыграйте такой спектакль, как «Господа Головлевы», посмотрим, что запоете. Катя Васильева вдвое моложе меня и то стоит: не могу больше, ноги не двигаются. Не думайте, что Смоктунувский такой уж героический товарищ. Очень устаю. И с семьей побывать хочется, много ли я времени уделял в этой жизни самым близким мне людям? Да и просто книжку бы почитать. Жизнь быстротечна. Одна надежда — в потомках наших воспринимать, повторимся. Видите, без надежды я не могу.

Беседу вела
В. ЛЕВОЧКО.

● Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии И. Смоктунувский.

Фото В. Веленгурина (ТАСС).